

Рабле Франсуа

Гаргантюа и Пантагрюэль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франсуа Р.**
Гаргантюа и Пантагрюэль / Рабле Франсуа – М.: Книга по Требованию, 2024. – 492 с.

ISBN 978-5-519-80125-6

ISBN 978-5-519-80125-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рисунокъ Густава Дорэ.

БЮГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РАБЛЭ.

Хотя о жизни Раблэ собрано довольно много свѣдѣній, но большая часть ихъ не считается вполне достоверными. Одно несомнѣнно: а именно, что Франсуа Раблэ родился въ Шинонѣ, въ Турени, ибо онъ самъ подписывается *Rablaesus Chinonensis*. Но біографы его расходятся въ показаніяхъ о датѣ его рожденія. Одни считаютъ, что онъ родился въ 1483 г., другіе—въ 1495 г., наконецъ, третьи указываютъ на 1490 г., ссылаясь на то, что эта дата показана историкомъ де-Ту (*de Thou*).

Вообще жизнь Раблэ представляетъ много неясностей, легендъ и загадокъ. Но одно также несомнѣнно, что эта жизнь совсѣмъ не подходитъ къ идеѣ, которую могъ бы породить его романъ. Хотя она изобилуетъ довольно романтическими приключеніями, но по существу очень серьезна и почти сплошь наполнена неустаннымъ трудомъ.

Но традиція и легенда не могли удовлетво-

ряться такой солидной и трудовой жизнью автора «Гаргантюа» и «Пантагрюэля». Они пустили въ обращеніе рассказы о разныхъ шутовскихъ и неприличныхъ выходкахъ, которыя будто бы позволялъ себѣ Раблэ. Онѣ представляютъ его пьянствующимъ публично и подающимъ примѣръ разгула на деревенскихъ праздникахъ. Онѣ рассказываютъ, что онъ прибавлялъ въ вино монаховъ снадобья, отъ которыхъ тѣ становились безсильными или, наоборотъ, слишкомъ возбужденными. Онѣ обвиняли его въ томъ, что однажды онъ занялъ мѣсто на пьедесталѣ статуи св. Франциска, выставленной для поклоненія прихожанъ, и позволилъ себѣ всякаго рода неприличныя тѣлодвиженія. Короче сказать, онѣ приписываютъ ему самому тѣ дѣйствія, какія онѣ приписывалъ героямъ своихъ романовъ. Общественное мнѣніе не умѣетъ отличать человека отъ сочинителя и смѣшиваетъ ихъ. Оно часто ошибается въ

этомъ отношеніи, потому что воображеніе и поведеніе—двѣ вещи разныя. И все указываетъ на то, что оно ошибалось, когда вѣрило анекдотамъ, сочиненнымъ о монастырской жизни Раблэ.

Мнѣніе, что отецъ Раблэ былъ трактирщикомъ, тоже не представляется вполне достовернымъ. Что касается того, какъ и гдѣ учился Раблэ, то полагаютъ, что первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, основанной бенедиктинскими монахами при аббатствѣ Селье (Seuillé), а по достиженіи двадцатилѣтняго возраста постригся, по желанію родителей, въ монахи. Несомнѣнно пребываніе его въ монастырѣ Фонтенуа-ле-Конть, въ нижнемъ Пуату, гдѣ онъ, какъ предполагаютъ, прошелъ всѣ степени монашеской іерархій и въ 1519 г. или 1520 г. рукоположенъ былъ іеромонахомъ. Въ 1519 г. достоверный документъ свидѣтельствуетъ о присутствіи Раблэ въ этомъ монастырѣ, равно какъ и о томъ, что онъ принадлежалъ къ числу его нотаблей.

Въ 1524 г. папа Климентъ VII разрѣшилъ ему поступить въ монахи бенедиктинскаго ордена по причинамъ, которыя изложены ниже. Въ XVI вѣкѣ въ монахи шли не только по призванію, но и вслѣдствіе чисто случайныхъ обстоятельствъ: младшіе сыновья многочисленныхъ семей (Раблэ, по преданію, былъ младшимъ изъ нѣсколькихъ братьевъ); люди, отмѣченные тѣлесными недостатками; тѣ, которые желали уклониться отъ физическаго труда,—роковымъ образомъ обречены были на монашество. Монахомъ Раблэ сталъ по желанію родителей, а бенедиктинцемъ вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ онъ подвергался въ монастырѣ Фонтенуа-ле-Конть за свою страсть къ наукамъ вообще и къ изученію греческаго языка въ особенности. Въ этомъ монастырѣ образовалась горсть ученыхъ, не лишенныхъ значенія, если судить по связямъ, которыя они составили. Къ числу ихъ принадлежалъ Пьеръ Ами или Лами, Раблэ и еще одинъ монахъ, французское имя котораго неизвѣстно. Они со страстью изучали латинскія и греческія древности. Раблэ горѣлъ страстью къ знанію. Онъ не только изучалъ древніе языки, и въ особенности греческій, но также и астрономію, юриспруденцію и вообще приобрѣлъ тѣ энциклопедическія знанія, на какія претендовали ученые эпохи Возрожденія. Но это рвеніе къ наукѣ испугало его собратьевъ. Греческій языкъ преимущественно считался опаснымъ

и ведущимъ къ ереси. Эллинизмъ Пьера Лами и Раблэ сдѣлалъ ихъ подозрительными въ Фонтенуа-ле-Конть. Въ ихъ кельяхъ произвели обыскъ; у нихъ найдены были греческія книги и сочиненія Эразма, тоже пользовавшіяся у монаховъ худой славой. Оба друга бѣжали изъ монастыря, спасаясь отъ преслѣдованій, и только въ 1524 г., какъ выше сказано, папа Климентъ VII разрѣшилъ Раблэ перейти въ бенедиктинскій орденъ, болѣе благоприятный для науки и ученыхъ.

Но если Раблэ случайно сталъ монахомъ, зато медикомъ онъ сдѣлался по охотѣ и по призванію. Въ реестрахъ медицинскаго факультета въ Монпелье сохранились официальные и самыя достоверныя свѣдѣнія объ имматрикуляціи Раблэ студентомъ 17-го сентября 1530 г.

Отъ пребыванія его въ Монпелье остались воспоминанія,—одни достоверныя, другія сомнительныя. Въ самый день пріѣзда въ Монпелье Раблэ вошелъ въ больницу медицинскую аудиторію. Тамъ защищался тезисъ о врачебныхъ свойствахъ лѣкарственныхъ растений. Онъ прислушивается къ диссертациямъ присутствующихъ. Онѣ кажутся ему холодными, незначительными. Онъ показываетъ знаки нетерпѣнія. Деканъ замѣчаетъ это: онъ приглашаетъ его принять участіе въ диспутѣ. Раблэ скромно извиняется въ томъ, что рѣшается высказать свое мнѣніе среди столькихъ знаменитыхъ докторовъ. Затѣмъ переходитъ къ спорнымъ вопросамъ и такъ краснорѣчиво, остроумно разбираетъ ихъ, что вся аудиторія рукоплещетъ и объявляетъ его достойнымъ быть докторомъ.

Болѣе достовернымъ считается извѣстіе о томъ, что Раблэ принималъ участіе въ комическомъ представленіи, о которомъ у него самого сохранилось воспоминаніе въ «Пантагрюэлъ» (кн. III, гл. XXXIV). Онъ игралъ со своими товарищами студентами «La morale comédie de celui qui avait ¹⁾ espousé une femme mute (muette)», канва которой послужила Мольеру для «Médecin malgré lui» ²⁾.

Въ ноябрѣ 1531 года Раблэ поступилъ врачомъ въ Ліонскую больницу, о чемъ свидѣтельствуетъ запись о полученіи имъ жалованья за первые три мѣсяца службы. Врачеваніемъ больныхъ Раблэ занимался ревностно и со страстью. По его словамъ,

¹⁾ Нравственная комедія чловѣка, женившегося на нѣмой женщинѣ.

²⁾ Врачъ поневолѣ.

Раблэ въ старости.
(Рисунокъ Эжена Делакруа).

онъ и романъ свой написалъ лишь для того, чтобы развлекать своихъ пациентовъ. Съ искреннимъ убѣжденіемъ, ссылаясь на авторитетъ Платона и Аверроэса, онъ утверждаетъ, что всѣ усилія врача относительно пациента «должны клониться къ тому, чтобы увеселять его, не оскорбляя Господа, и никоимъ образомъ его не огорчать» ¹⁾. Карди-

¹⁾ Раблэ былъ однимъ изъ первыхъ анатомовъ, которые публично демонстрировали на

наль дю-Беллэ (du Bellay), бывший сначала епископомъ въ Байоннѣ, затѣмъ въ Парижѣ, на котораго возложена была Францискомъ I дипломатическая миссія къ римской куріи, пригласилъ Раблэ въ качествѣ врача, и тотъ

трупамъ. Въ сборникѣ латинскихъ стиховъ Доле, напечатанномъ въ Лионѣ въ 1538 г., есть эпиграфа одного повѣшеннаго, анатомированнаго, въ присутствіи многочисленной аудиторіи, Франсуа Раблэ, объяснявшимъ строеніе чуждѣческаго тѣла.

послѣдовалъ за нимъ въ Римъ. Легенда не могла пропустить пребываніе Раблэ въ Римѣ, не приукрасивъ его на свой ладъ. Она придумала такія черты, какія могли подойти къ фізіономіи автора «Гаргантюа» и «Пантагрюэля». Она заставляетъ его играть скорѣе роль шута, нежели врача, парижскаго епископа. Вотъ какія исторійки она сообщаетъ о немъ. Парижскій епископъ отправился, по обычаю, цѣловать ноги папы. Раблэ, состоявшій въ свитѣ, держался въ сторонѣ и сказалъ довольно громко, чтобы его разслышали, что такъ какъ его господина, который былъ важнымъ вельможей во Франціи, признаютъ достойнымъ поцѣловать только ноги его святѣйшества, то онъ, не будучи достойнымъ такой чести, проситъ поцѣловать задъ папы, съ тѣмъ только, чтобы его вымыли. Легенда превратила въ анекдотъ нѣсколько строкъ изъ главы XLVIII четвертой книги «Пантагрюэля».

Въ другой разъ, будто бы папа позволилъ ему просить у него какой-нибудь милости, и Раблэ сказалъ, что единственная, какой онъ добивается, это — чтобы его отлучили отъ церкви. Папа пожелалъ знать, почему онъ этого хочетъ.

— Св. отецъ, — отвѣчалъ Раблэ, — я французъ и уроженецъ городка Шинона, гдѣ очень пристрастны къ кострамъ и уже сожгли много добрыхъ людей и моихъ родственниковъ; если же ваше святѣйшество отлучите меня отъ церкви, я никогда не сгорю. А причина этому та, что по пути въ этотъ городъ мы проѣзжали съ господиномъ парижскимъ епископомъ черезъ Tarantaise, гдѣ было очень холодно, и, доѣхавъ до избытки, гдѣ жила одна бѣдная женщина, попросили ее развести огонь, предлагая ей какія угодно деньги. Чтобы зажечь дрова, она сожгла часть своего соломеннаго тюфяка, и такъ какъ дрова не загорѣлись, то принялась ругаться и говорить: «Вѣрно папа собственной глоткой проклялъ эти дрова, что они не могутъ горѣть!» И мы должны были ѣхать дальше, не обогрѣвшись.

Раблэ прожилъ въ Римѣ первые три мѣсяца 1534 г., затѣмъ вернулся во Францію, но вскорѣ опять уѣхалъ въ Римъ, гдѣ пребывалъ съ іюля 1535 г. до марта 1536 г.

Въ 1539 г. Раблэ перешелъ на службу къ Гильому дю-Беллэ, старшему брату кардинала дю-Беллэ. Это одинъ изъ людей, игравшихъ значительную роль въ царствованіе Франциска I. Дѣятельный и искусный

дипломатъ, онъ назначенъ былъ въ 1537 г. губернаторомъ Пьемонта и оказалъ важныя услуги, занесенныя въ исторію. Раблэ находился 18-го ноября 1539 г. въ Шамбери, а въ іюль и октябрѣ 1540 г. въ Туринѣ. Онъ переписывался оттуда съ Пелисье, епископомъ въ Нарбоннѣ, а затѣмъ въ Монпелье, въ эту же эпоху бывшимъ французскимъ посломъ въ Венеціи. Во второмъ изъ этихъ писемъ толкуется о приобрѣтеніи еврейскихъ и сирійскихъ манускриптовъ и греческихъ книгъ для «библіотеки» короля. Вѣроятно, что въ продолженіе того времени, какъ Раблэ находился въ качествѣ врача при Гильомѣ дю-Беллэ, онъ неоднократно ѣздилъ во Францію. Онъ долженъ былъ наѣзжать въ Ліонъ, чтобы слѣдить за печатаніемъ первыхъ двухъ книгъ своего романа, изданія котораго слѣдовали одно за другимъ.

Къ одному изъ пребываній его въ Ліонѣ относится эпизодъ въ его жизни, о которомъ сообщаетъ одинъ новѣйшій біографъ Раблэ, основываясь на показаніяхъ двухъ тулузскихъ ученыхъ. Въ этомъ городѣ у Раблэ родился сынъ, который жилъ два года. Въ Тулузѣ найдены свѣдѣнія объ этомъ обстоятельстве въ латинскихъ стихахъ, оставшихся въ рукописи современника Раблэ, «весьма ученаго и добродѣтельнаго» профессора юриспруденціи Буассона. Буассонъ посвятилъ нѣсколько латинскихъ стихотвореній ребенку, по имени Теодуль Раблэ, умершему двухъ лѣтъ отъ роду, и подробности, которыя онъ даетъ, не оставляютъ сомнѣнія насчетъ того, кто былъ отцомъ этого ребенка. «Ліонъ его родина, а отецъ — Раблэ. Кто не знаетъ ни Ліона, ни Раблэ — не знаетъ двухъ великихъ вещей въ этомъ мірѣ.»

До самой старости Раблэ велъ скитальческую жизнь и только въ 1550 г., когда ему было уже около 67 лѣтъ, онъ получилъ приходъ въ Мёдонѣ, принадлежавшемъ къ епархіи его покровителя — кардинала дю-Беллэ, гдѣ и пребывалъ до смерти, точная дата которой такъ же неопредѣленна, какъ и дата его рожденія. Вообще же полагаютъ, что онъ умеръ въ 1553 г.

Скитальческая жизнь не помѣшала Раблэ написать, кромѣ его знаменитыхъ романовъ «Гаргантюа» и «Пантагрюэль», очень много сочиненій по всѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія. Время, когда жилъ Раблэ, было эпохой сильнаго умственнаго движенія, и Раблэ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Онъ былъ однимъ изъ передовыхъ лю-

дей своего вѣка и неустанно боролся за новыя идеи, разрушавшія средневѣковые устои. Его оружіемъ были пронія и насмѣшка. Само собою разумѣется, онъ подвергался преслѣдованіямъ, несмотря на милостивое отношеніе къ нему не только свѣтскихъ государей его времени—Франциска I и Генриха II, но и двоихъ папъ—Климента VII и Павла III. Во время вторичнаго пребыванія въ Римѣ Раблэ озабочился регуляризировать свое положеніе. Онъ послалъ папѣ Павлу III прошеніе по случаю своего отступничества (*supplicatio pro apostasia*). Онъ сознавался въ немъ, что уклонился отъ монастырской жизни и скитался по бѣлу свѣту, и просилъ у первосвященника полного отпущенія грѣховъ, позволенія снова облечься въ рясу бенедиктинскаго монаха и вернуться въ монастырь этого ордена, какой его захочетъ принять, и практиковать вездѣ, съ разрѣшенія настоятеля, искусство медицины, въ которомъ онъ достигъ степени бакалавра, магістра и доктора, и практиковать его въ предѣлахъ, предписанныхъ каноническими законамъ духовнымъ лицамъ, т.-е. до примѣненія желѣза и огня включительно, ради одного человеколюбія и безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Въ этой просьбѣ его поддерживали весьма вліятельные покровители, кардиналы Джинукки и Симонетта. Просьба была исполнена декретомъ папы Павла III отъ 17 января 1536 года, второго по восшествіи его на папскій престолъ. Этотъ декретъ составленъ въ самыхъ лестныхъ для Раблэ выраженіяхъ: «во вниманіе къ вашему рвенію къ религіи, наукѣ и литературѣ, къ вашей честной жизни и добрымъ правамъ, которые говорятъ за насъ... тронутые вашими мольбами, мы васъ прощаемъ и пр.». Сорбонна, университетъ и парламентъ преслѣдовали сочиненія Раблэ, несмотря, какъ выше сказано, на покровительство Франциска I и Генриха II. Одно время даже Раблэ вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ въ Метцъ, чтобы избѣгнуть опасности быть сожженнымъ на кострѣ за свободомысліе.

Сочиненія Раблэ вызывали самые разнообразныя комментаріи. Долгое время въ нихъ видѣли аллегорическую исторію XVI вѣка. «Гаргантюа»,—говорили,—это олицетвореніе Франциска I, а «Пантагрюэль»—не кто иной, какъ Генрихъ II. Но, конечно, это ошибочный взглядъ. Раблэ—великій са-

тирикъ: онъ смѣется надъ всѣми, даже надъ читателями. Въ десятистишіи, предпосланномъ «Гаргантюа», онъ говоритъ имъ:

«Vray est qu'icy peu de perfection

Vous apprendrez, si non en cas de rire»¹⁾.

Всякаго рода насмѣшки, накопившіяся въ теченіе вѣковъ надъ старымъ общественнымъ порядкомъ, собраны въ его твореніяхъ. Нпята отъ него не ускользнуло: откровенныя рѣзкости сказокъ, смѣлыя выходки фарса, монастырскія шуточки чередуются въ этой колоссальной сатирѣ, значеніе которой становится вполне ясно, когда видишь, что Раблэ, основательно изучившій античный міръ и близко знакомый съ народными сказаніями среднихъ вѣковъ, соединилъ въ своемъ трудѣ съ безподобной эрудиціей и остроуміемъ комическія, смѣлыя выходки всѣхъ временъ и всѣхъ странъ.

Такимъ образомъ, въ твореніяхъ Раблэ слѣдуетъ искать не намековъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ, на образъ дѣйствія вышеупомянутыхъ французскихъ государей, но оживленную картину, всѣхъ слоевъ общества, ихъ нравовъ, обычаевъ, ихъ говора. Его творенія представляютъ собою неоцѣненный историческій документъ, но это вовсе не сама исторія. Жанъ де-Ту въ «Исторіи своего времени» нѣсколькими строчками очень вѣрно характеризуетъ творенія Раблэ: «Онъ напечаталъ остроумное сочиненіе, въ которомъ подъ вымышленными именами выставилъ, какъ на театрѣ, всѣ состоянія человеческой жизни и французскаго королевства и отдалъ ихъ на посмѣяніе народа».

И, въ самомъ дѣлѣ, описаніе общества XVI вѣка, еще недостаточно изученнаго, представляетъ главный интересъ романа Раблэ. Этимъ въ особенности онъ привлекаетъ и занимаетъ, такъ какъ мы находимъ у него собранными,—частью намѣренно, частью безсознательно,—неоцѣненные матеріалы, подобныхъ которымъ не встрѣтимъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ, благодаря общирной и разносторонней эрудиціи Раблэ, его комическое произведеніе блещетъ возвышенными и серьезными идеями, возносящими его надъ вульгарной буфонадой.

¹⁾ Правда, вы мало узнаете здѣсь совершеннаго, развѣ только посмѣетесь.

Рис. Густава Дорэ.

О ЗНАЧЕНИИ РАБЛЭ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Раблэ, французскій писатель XVI вѣка, впервые переведенъ нами на русскій языкъ¹⁾, и это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ писалъ на языкѣ, который еще нельзя назвать французскимъ, и который даже для французовъ непонятенъ безъ комментаріевъ. Несмотря на это, Раблэ имѣлъ громадное влияние не только на французскую, но и на общеевропейскую литературу. Свифтъ, напримеръ, несомнѣнно вдохновился путешествіемъ Пантагрюэля для путешествія Гулливера.

Что касается французовъ, то они выросли на Раблэ и, такъ сказать, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей. Жанъ-Жакъ Руссо, Бальзакъ, Флоберъ, Беранже, не говоря обо всѣхъ остальныхъ, насквозь проникнуты духомъ Раблэ.

Раблэ былъ ученѣйшій, гуманнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человекъ своего времени. Монахъ, врачъ и, подъ конецъ жизни, приходскій священникъ, онъ отличался са-

мыми либеральными взглядами и едва-едва ушелъ отъ костра. Его спасло покровительство двухъ королей—Франциска I и Генриха II и двухъ папъ—Климента VII и Павла III.

При своемъ появленіи произведенія Раблэ сразу получили громадную извѣстность во Франціи, и эта извѣстность съ теченіемъ столѣтій не уменьшалась. Каждый образованный французъ знаетъ и цѣнитъ его, а литераторы французскіе, какъ уже замѣчено выше, пропитаны имъ насквозь. Въ комментаторахъ тоже не было недостатка и не безъ основанія: въ сочиненіяхъ Раблэ разсѣяно пропасть намековъ историческихъ и иныхъ, часто на такія событія, память о которыхъ затерялась, и чтобы разгадать ихъ значеніе, потрачено не мало учености и труда. Ниже мы отмѣчаемъ нѣкоторые изъ этихъ комментаріевъ, наиболѣе вѣроятные, такъ какъ вообще комментаторы въ своемъ усердіи не щадили стараній и стремились истолковать всѣ рѣшительно темныя и загадочныя мѣста у Раблэ, забывая, что произведенія Раблэ, во-первыхъ,—плодъ фантазіи, такъ сказать,—романъ, въ которомъ Раблэ, какъ и

¹⁾ Изъ пяти книгъ эпопеи Раблэ «Гаргантюа и Пантагрюэль» 1-я книга трактуетъ о Гаргантюа, а 2-я, 3-я, 4-я и 5-я о Пантагрюэлѣ.

всякій романистъ, даетъ волю своему творчеству, безъ всякихъ намѣреній или предвзятыхъ идей; во-вторыхъ, — и это главное — у Раблэ были всѣя причины такъ замаскировать намеки на историческія событія — если они у него были, — чтобы никто не добрался до ихъ смысла. Для него опасность «раздразнить гусей» была не шуточная.

Эпоха, въ которую жилъ Раблэ, была эпохою великаго переворота въ умахъ и понятіяхъ людей. Раблэ былъ неутомимымъ борникомъ новыхъ идей и прогресса. Его оружіемъ была иронія и насмѣшка. Онъ неустанно бичуетъ ими грубость, невѣжество и предразсудки своихъ современниковъ. Какъ всякая сатира, съ теченіемъ времени, она утратила свое значеніе въ мелочахъ и стала непонятна въ тѣхъ подробностяхъ, которыя касались исключительно пороковъ и слабостей даннаго времени, но то общечеловѣческое, что въ ней есть, то дурное, что присуще людямъ всѣхъ временъ и національностей и что нашло такого остроумнаго и ѣдкаго сатирика, какъ Раблэ, то остается безсмертнымъ.

Приэтомъ надо сказать, что Раблэ — вполне оригинальный писатель. Онъ — творецъ и образецъ новѣйшей сатиры, основы которой онъ почерпнулъ въ народномъ духѣ и творчествѣ.

Что касается его языка, то это языкъ еще вполне свободный, не втиснутый въ опредѣленные, тѣсныя рамки, какъ теперешній французскій. По конструкціи и гибкости онъ имѣетъ много общаго съ русскимъ, такъ что, за рѣдкими исключеніями, даетъ возможность для подстрочнаго почти перевода, безъ ущерба легкости слога. Трудность перевода обуславливается, главнымъ образомъ, громадною примѣсью провинціальныхъ, устарѣлыхъ, давно вышедшихъ изъ употребленія, — а, можетъ, никогда и не бывшихъ въ употребленіи, — словъ, которыя Раблэ, безъ всякаго стѣсненія, заимствуетъ направо и налево не только изъ діалектовъ различныхъ французскихъ провинцій, но и изъ иностранныхъ языковъ и нарѣчій. Онъ, какъ и Мольеръ, можетъ сказать: «Je prends mon bien où je le trouve.» Вторую трудность составляетъ зачастую темный, запутанный, — и, по всей вѣроятности, намѣренно, — смыслъ повѣствованія Раблэ.

Наконецъ, третьей — и не маловажной — трудностью является неприличіе и грубость сравненій, картинъ, анекдотовъ, ко-

торыми Раблэ уснащаетъ свое произведеніе, и тутъ мы касаемся его большого мѣста. Грязь, которою онъ поливаетъ свою сатиру, отнимаетъ у нея полъ-цѣны. И въ этомъ отношеніи она имѣла самое вредное вліяніе на французскую литературу. Имѣя такого праотца, да еще такого авторитетнаго, французскіе писатели не стѣснялись подражать ему и, величая грязь солью — *sel gauclois*, — даже утрировали ее. Мало того: грязь у Раблэ наивна и хотя очень противна, но не вредна въ смыслѣ ея вліянія на нравственность. Короче сказать: несмотря на все неприличіе Раблэ, его нельзя назвать писателемъ порнографическимъ. Не то съ его позднѣйшими послѣдователями: болѣе утонченная по формѣ, ихъ грязь вреднѣе по содержанію и развращаетъ читателя.

Нельзя сказать, чтобы Раблэ не понималъ этого двойственнаго характера своей сатиры. Въ предисловіи къ третьей книгѣ онъ сравниваетъ ее «съ двухцвѣтнымъ, полубѣлымъ, получернымъ невольникомъ, котораго нѣкогда Итоломей привезъ изъ похода и вздумалъ показать египтянамъ на театрѣ, надѣясь такой диковинкой возбудить ихъ любопытство и интересъ и усилить ихъ удивленіе и любовь къ его особѣ». Но ему пришлось убѣдиться, что онъ не достигъ своей цѣли, и что «прекрасныя, возвышенныя и совершенныя вещи имъ доставляютъ больше радости и наслажденія, нежели противныя и некрасивыя».

Нельзя сказать также, чтобы и среди французскихъ писателей не высказывалось порицанія Раблэ за эту двойственность его творенія. Между прочимъ, La-Bruyère такъ характеризуетъ его: «C'est un monstrueux assemblage d'une morale fine et ingénieuse et d'une sa'c corruption: où il est mauvais il passe bien loin au delà du pire, c'est le charme de la canaille; où il est bon, il va jusqu'à l'exquis et à l'excellent, il peut être le mets des plus délicats.»

Другимъ темнымъ пятномъ въ произведеніяхъ Раблэ является проповѣдь пьянства, проповѣдь, не оставшаяся, конечно, безъ послѣдователей и нашедшая широкій откликъ и въ литературѣ и въ жизни.

«Le vin a le pouvoir d'emplir l'âme de toute vérité, tout savoir et philosophie...» утверждаетъ онъ. И послѣднимъ словомъ его знаменитаго романа, оракуломъ божественной Бутылки является: «Пей!»

Современнымъ читателямъ, вполне просвѣщеннымъ насчетъ ужасовъ алкоголизма, нечего разяснить вредъ отъ проповѣди пьянства и восхваленія зелена-вина.

Возвращаясь къ сатирѣ Раблэ, повторимъ вышесказанное, а именно, что она коснулась всѣхъ явленій жизни и учреждений его времени: властолюбіе духовенства, тщеславная ограниченность ученыхъ схоластиковъ, безсовѣстность государственныхъ людей, продажность судей, вздорная судейская и адвокатская болтовня, безсодержательность школьнаго преподаванія — все это осмѣливается пѣть безпошадно. Въ главѣ XIII книги V, гдѣ изображается якобы кошачье правосудіе, Раблэ говоритъ устами Кота-Мурлыки: «Наши законы все равно, что паутина: маленькія мушки и бабочки попадаютъ, большіе же и зловредные слѣппы и овода прорываютъ ее и улетаютъ.»

И далѣе то, что происходитъ въ судѣ, характеризуется такъ: «Здѣсь отвѣчаютъ категорически на то, чего не знаютъ, сознаются въ томъ, чего никогда не дѣлали, увѣряютъ, что знаютъ то, чему никогда не учились.»

И, въ концѣ концовъ, кошелекъ съ золотомъ является единственнымъ способомъ заслужить оправдательный приговоръ.

Раблэ не ограничивается одной критикой существующаго, но высказываетъ и свои общественные идеалы. Такъ онъ набрасываетъ программу воспитанія и образованія, которою, несомнѣнно, вдохновился Жанъ-Жакъ Руссо, когда писалъ своего «Эмиля», хотя, по свойству своего ума и темперамента, не могъ ея не исказить и не испортить. Программа же самого Раблэ такова, что подъ нею подписался бы любой современный педагогъ.

Жизнь Гаргантюа и Пантагрюэля не представляетъ собою цѣльнаго произведенія, написаннаго по строгому и выдержанному плану. Въ первыя двѣ книги Раблэ заноситъ излюбленныя въ тѣ времена темы народныхъ сказокъ и, такъ называемыхъ, *fabliaux*, утрируя ихъ въ насмѣшку, и тутъ же попутно осмѣливаетъ и обличаетъ грубость нравовъ, невѣжество и бессмысленные взгляды поколѣнія, еще не вполне сошедшаго при немъ со сцены.

Старикъ Грангуэзе, представитель этой эпохи, — олицетвореніе «добраго, стараго времени». Съ сыномъ его, Гаргантюа, наступаютъ болѣе просвѣщенные времена; но только при Пантагрюэлѣ, герой второй и послѣдующихъ книгъ, рельефнѣе обозначается прогрессъ въ умахъ и взглядахъ, благодаря возрожденію классической древности и просвѣтительнымъ усиліямъ гуманистовъ. Здѣсь Раблэ рядомъ съ критикой существующаго высказываетъ и желательные идеалы воспитанія и образованія юношества, равно какъ и свои — весьма замѣчательные и гуманные — взгляды на политику, управление государствомъ, международныя отношенія, колонизацію и пр.

Первыя двѣ книги посвящены исторіи царственныхъ великановъ, Гаргантюа и Пантагрюэля, въ которыхъ комментаторы видятъ Франциска I и Генриха II, но въ третьей книгѣ выступаетъ на сцену Панургъ, вокругъ котораго съ этихъ поръ сосредоточивается главный интересъ повѣствованія. Третья книга наполнена, почти исключительно, разными шутовскими выходками Панурга и его соображеніями насчетъ женитьбы, при чемъ Раблэ пользуется случаемъ осмѣять различныя средневѣковыя суевѣрія.

Въ четвертой и пятой книгахъ сатира Раблэ изощряется надъ деморализаціей католической церкви, юстиціи и администраціи, равно какъ и надъ общественными пороками, при чемъ Панургу опять отводится главная роль въ дѣйствіи. Очевидно, въ Панургѣ Раблэ хотѣлъ олицетворить типъ современнаго ему героя толпы.

Въ четвертой же книгѣ начинается фантастическое путешествіе Пантагрюэля съ Панургомъ и нѣсколькими другими лицами въ поискахъ оракула божественной Бутылки, и здѣсь Раблэ проявляетъ большую силу воображенія и юмора. Этимъ путешествіемъ наполнена и пятая книга, оканчивающаяся открытіемъ оракула Бутылки, преподающаго житейскую мудрость Панургу, выражающуюся въ одномъ словѣ: «Пей», — мудрость, къ сожалѣнію, находившую во всѣ времена и у всѣхъ народовъ толпы поборниковъ и лишь въ самое послѣднее время потерявшую свой престижъ въ глазахъ просвѣщенныхъ людей...

А. Э.

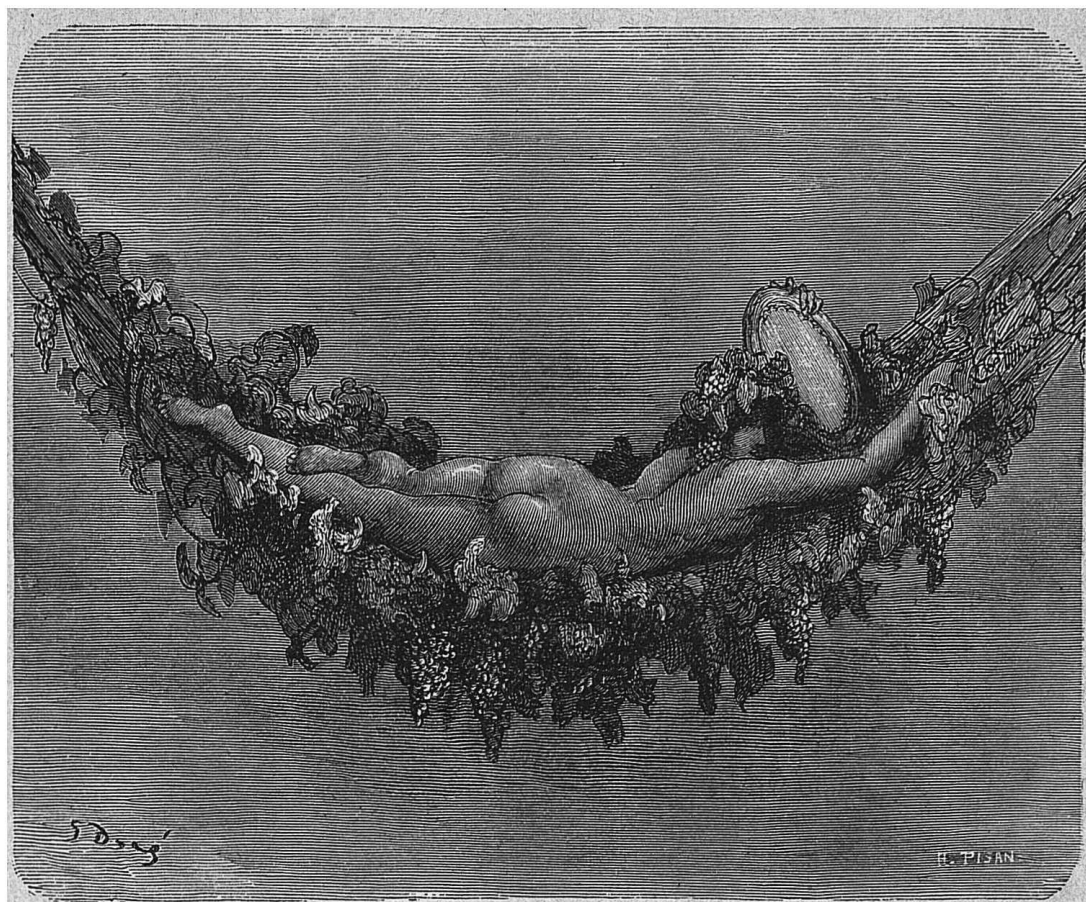

Рис. Густава Дорэ.

О КОММЕНТАРІЯХЪ КЪ ЭПОПЕѢ РАБЛЭ.

Дѣйствующихъ лицъ въ сатирическомъ романѣ Раблэ комментаторы отождествляютъ со слѣдующими историческими личностями:

Грангузье—Людовикъ XII.

Гаргамелла—Анна Бретанская.

Гаргантюа—Францискъ I.

Бадебекъ—Клавдія Французская.

Пантагрюэль—Генрихъ II.

Панургъ—Кардиналь де-Лорренъ, любимецъ Генриха II.

Братъ Жанъ—Кардиналь Жанъ дю-Беллэ.

«Съ ранней молодости,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ въ предисловіи къ своему труду,—я любилъ Раблэ, хорошенько не понимая смысла его произведеній.... Но вотъ однажды, внимательно перечитавъ исторію Франціи, въ особенности три царствованія, о которыхъ идетъ рѣчь у Раблэ,

и сличивъ ихъ съ его повѣствованіемъ, я, къ удивленію или, вѣрнѣе сказать, къ удовольствію своему, увидѣлъ, что Грангузье, веселый балагуръ, великій бражникъ, славный человѣкъ, добрый мужъ и добрый отецъ, хозяинъ-скопиломъ,—это, конечно, добродушный, любившій выпить, славный человѣкъ, добрый мужъ и отецъ и скупой хозяинъ Людовикъ XII; что Гаргантюа, галантный человѣкъ, храбрецъ, добрый сынъ и отецъ, великанъ—это галантный, храбрый Францискъ I, добрый сынъ и отецъ, п, наконецъ, что любившій выпить, галантный, безстрашный, но слабохарактерный и легковѣрный Пантагрюэль есть сколокъ съ галантнаго, безстрашнаго, но слабохарактернаго и легковѣрнаго Генриха II...

... Признавъ дѣйствующихъ лицъ, мнѣ

не трудно уже было прослѣдить ихъ дѣйствія, которыя почти всѣ можно найти въ исторіи...»

То, что Гаргамелла произвела на свѣтъ Гаргантюа черезъ ухо, комментаторы считают намекомъ, во-первыхъ, на то обстоятельство, что бракъ Людовика XII съ Анной Бретанской былъ не вполне законный, такъ какъ онъ развелся со своей первой женой Іоанной Французской, а, во-вторыхъ, на то, что Францискъ I не былъ сыномъ Людовика XII и Анны, а ихъ пасынкомъ. Громадные запасы всякаго рода, растроченные по случаю этого событія, равно какъ и позднѣе, считаются намекомъ на большія потребности и расходы по содержанію французскихъ королей и ихъ двора, а громадное количество матеріи, какое пошло на костюмъ юнаго Гаргантюа,—намекомъ на роскошь и расточительность французскихъ королей.

Война пастуховъ съ пирожниками (главы 25 и 26) изображаетъ италіанскіе походы Людовика XII (1500 г.) и Франциска I (1515 г.) для отвоеванія Милана. Людовикъ Сфорца (Пикрошоль, характеръ котораго очень подходит къ характеру историческаго Людовика Сфорца) захватилъ Миланъ, но былъ взятъ въ плѣнъ Людовикомъ XII и до самой смерти (1516 г.) содержался въ желѣзной клеткѣ въ замкѣ Лошъ, недалеко отъ Шинона. Его сынъ, Максимилианъ Сфорца, снова завоевалъ Миланъ въ 1512 г., но былъ низложенъ Францискомъ I въ 1515 г. Медовые пирожки намекаютъ будто бы на италіанскія мучныя кушанья и макароны.

«Старинная дружба» между Грангузье и Пикрошолемъ, о которой упоминается въ 31 главѣ, обозначаетъ союзъ и прежнія дружескія отношенія между французскими королями и герцогами Миланскими: преимущественно между Карломъ VIII и Людовикомъ XII и Галеаццо и Людовикомъ Сфорца. Бѣгство Пикрошоля (глава 48) точь-въ-точь совпадаетъ съ судьбой Максимилиана Сфорца. Послѣ взятія Милана онъ бѣжалъ, но попался въ плѣнъ, былъ отвезенъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1530 г.

Въ главѣ 51 Грангузье награждаетъ своихъ военачальниковъ точь-въ-точь такъ, какъ Людовикъ XII своихъ генераловъ послѣ завоеванія Милана. Понократъ (маршалъ Тривульче) получаетъ Ларошъ Клермо (Миланъ), Гимнастъ (Луи де-ла-Тремуйль)—Кудрэ, Эвдемонъ (Бриссакъ)—Монпансье и

т. д. Для брата Жана Гаргантюа строить въ награду Телемское аббатство. Братъ Жанъ, какъ выше сказано, долженъ изображать кардинала Жана дю-Беллэ. Помимо своихъ достоинствъ, какъ воинъ и государственный человѣкъ, онъ былъ просвѣщенный эпикурецъ, любилъ вино, женщинъ и втайнѣ былъ женатъ. Телемское аббатство изображаетъ въ идеализированномъ видѣ великолѣпный замокъ Сентъ-Моръ-де-Фоссе, выстроенный кардиналомъ дю-Беллэ на берегахъ Марны, гдѣ онъ часто задавалъ пиры Франциску I. Телемское орденское правило: «Поступай такъ, какъ тебѣ угодно»,—было, дѣйствительно, девизомъ въ Сентъ-Морѣ.

Родословная Пантагрюэля насчитываетъ 59 великановъ,—число, соответствующее числу французскихъ королей отъ Фарамонда до Генриха II, такъ что комментаторы видятъ въ этомъ подтвержденіе догадки о тождествѣ Пантагрюэля съ Генрихомъ II.

Описаніе характера Панурга и его вычекъ (глава 16 книги II) соответствуетъ тому, что исторія повѣствуетъ о кардиналѣ де-Морренѣ. Даже горбатый, орлиный носъ, а также разнообразные, предосудительные способы добывать деньги и ихъ проматывать, описываемые въ главѣ 17, равно какъ и склонность къ глумленію надъ всѣмъ на свѣтѣ,—черты, присущія обоимъ.

Подъ островами Tohu Bohu ¹⁾ подразумеваютъ Лотарингію и три епархіи, въ которыхъ герцогъ де-Гизъ, генералиссимусъ Генриха II, опустошилъ всѣ вѣтряныя мельницы и запасы, къ великому неудовольствію Карла V. Послѣдовавшее за этой катастрофой разстройство обозначаетъ дальнѣйшія невзгоды, причиненныя ему, которыя и побудили его три года спустя къ отреченію...

Касательно описанной въ главахъ 18—20 морской бури одинъ изъ комментаторовъ говоритъ: «По всей вѣроятности, она должна изображать жестокое преслѣдованіе гугенотовъ, которое поднялось во Франціи при Генрихѣ II. Оно началось въ 1548 г. своего рода инквизиціей, учрежденной надъ реформатами. Въ главѣ 18 гроза разражается вслѣдъ за встрѣчей съ патерами, отправляющимися на соборъ; раздается громъ и молнія; въ главѣ 20 сверкаетъ особенно страшная молнія, сопровождаемая громомъ, о которой братъ Жанъ говоритъ: «Я полагаю,

¹⁾ Сумятица, безпорядокъ.